

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 1 (67). 2015. № 4. С. 123–136.

УДК 327. 39

ЭТНИЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОРЫ В МОСУЛЬСКОМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ СПОРЕ (1918-1926 гг.): УРОК ПРОШЛОГО ДЛЯ ОТВЕТА НА ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Макаров Р. В.

В статье рассматривается вопрос о территориальном споре между Великобританией и Ираком с одной стороны и Турцией с другой за территорию бывшей провинции Османской империи – Мосульского вилайета в 20-е гг. XX в. Спор длился с 1918 по 1926 г. и возник в результате того, что, по мнению официального Лондона, провинция должна была войти в состав руководимого британским ставленником эмиром Фейсалом аль-Хашеми Иракского королевства, до 1932 г. находившегося под британским мандатным управлением. Однако Турецкая республика, пришедшая на смену рухнувшей Османской империи, не признала условий Севрского мирного договора, закреплявшего Мосульский вилайет за британским мандатом Месопотамия (Ираком), и потребовала передачи его территории под свою юрисдикцию. Это привело к тому, что Мосульский вопрос стал предметом ожесточённых дебатов между Великобританией и Турцией на Лозаннской конференции (1922 - 1923 гг.), затем на протяжении нескольких лет Мосульский вопрос рассматривался на сессиях Совета Лиги Наций, а позже был вынесен и на рассмотрение Постоянной палаты международного правосудия в Гааге. В это же время стороны спровоцировали на территории провинции и ряд вооружённых конфликтов. Одним из главных факторов, к которому постоянно апеллировали стороны конфликта, был этнический и религиозный состав населения региона и его право на самоопределение и свободное, прогрессивное развитие, в частности к курдскому и ассирийскому фактору.
Ключевые слова: Мосульский вилайет, Великобритания, Турция, Ирак, курды, ассирийцы, территориальный спор.

Цель данной статьи: рассмотрение вопроса об использовании этнического и религиозного факторов Великобританией и Турцией в политико-дипломатической борьбе за богатую месторождениями нефти провинцию Мосул, в частности

курдского и ассирийского национально-освободительного движения в 20-е гг. XX в. как опыта прошлого для объективной оценки проблем современности.

Новизна работы: состоит в отсутствии отдельных работ, посвящённых изучаемой теме, так как данный вопрос всегда рассматривался советскими и современными российскими исследователями как часть общей проблемы британской мандатной политики в Ираке или проблемы международных отношений в 20-х гг. XX в.

Вооружённое противостояние, развернувшееся на Ближнем Востоке, вновь обнажило проблему межэтнических и межрелигиозных противоречий, издавна существующих в данном регионе. Используя данные противоречия, террористические (запрещённые в России) группировки «Исламское государство», «Джабхат ан-Нусра» и др. сумели завоевать серьёзную поддержку в среде радикально настроенной части арабо-суннитского населения Сирии и Ирака, захватить достаточно обширные территории данных государств, опираясь на агрессивную пропаганду и поражающий своим цинизмом кровавый террор, в первую очередь в отношении представителей иных этнических и религиозных общностей.

Благодаря стойкости вооружённых сил Сирии и Ирака, иных союзных правительств этих государств вооружённых формирований, в частности курдского ополчения, военным и политическим усилиям России, Ирана и др. государств ситуация на Ближнем Востоке постепенно меняется не в пользу террористических группировок, теряющих стратегическую инициативу. Недавно достигнутые договорённости между Москвой и Вашингтоном о перемирии между правительством Сирии и силами конструктивной оппозиции могут стать началом широкого диалога между представителями различных общностей, населяющих регион, что окончательно лишит террористов главного фактора влияния — межэтнических и межрелигиозных противоречий.

Вышеупомянутое очередной раз подтверждает, что от мирного сосуществования на одной территории различных этнических и религиозных общностей зависят политическая стабильность, экономическое процветание, территориальная целостность и престиж на международной арене каждого отдельно взятого государства, в частности имеющего неоднородный состав населения. Различие в представлениях об окружающем мире, месте и роли в нём человека, образе жизни и понимании того, что является истинными ценностями, всегда порождает минимальную взаимотчуждённость между представителями разных религиозных и этнических общностей, соседствующих друг с другом. Однако религиозное и культурное различие само по себе не способно перерасти в глубокое взаимное неприятие дающее начало жестокому и кровопролитному конфликту, если чьи-либо политические или иного рода амбиции не станут катализатором для подобной негативной реакции. В этой связи следует отметить, что срыву достигнутых договорённостей по урегулированию конфликта в Сирии и дальнейшей эскалации насилия на всём Ближнем Востоке могут стать деструктивные действия властей Турции, опасаящихся усиления курдского национального движения у своих границ, а потому также использующих противоречия между курдским и арабо-туркменским населением в своих интересах.

Упомянутые противоречия во многом связаны с проблемой самоопределения курдского народа, существующей уже на протяжении нескольких веков. Особое обострение вопроса началось ещё в начале XX в., когда стремление Великобритании к контролю над крупными месторождениями нефти и стратегически важными территориями сделало Курдистан объектом её политико-экономической и военной экспансии. Британские войска в 1918 г. оккупировали населённые курдами районы, но на эти территории заявила свои претензии Кемалистская Турция. Следствием возникшей между ними борьбы за нефтеносный Южный Курдистан стал дипломатический конфликт вокруг бывшего вилайета Османской империи – Мосул, продлившийся с 1918 по 1926 г., помимо главных его участников – Великобритании и Турции – в него было втянуто и новое государство – Ирак, созданное при участии Великобритании на территории британского мандата Лиги Наций – Месопотамии.

Одним из главных факторов, который постоянно использовали стороны спора, был неоднородный этнический и религиозный состав населения региона и его право на самоопределение, вследствие чего межэтнические и межрелигиозные противоречия, обострившиеся в результате их действий, не только не были сглажены прекращением спора, но и получили своё продолжение в трагических событиях последующих десятилетий, в том числе откликнулись историческим эхом в современном кризисе на Ближнем Востоке.

История учит правильно оценивать настоящее, опираясь на примеры прошлого, для того, чтобы предвидеть будущее. Это значит, что вопрос о роли этнорелигиозного фактора в крупном территориальном споре прошлого актуален и в наши дни, когда проблема конфликтов на этнорелигиозной почве стоит весьма остро.

В статье поставлены следующие задачи:

1. Обзор событий связанных с возникновением, развитием и завершением дипломатического конфликта вокруг провинции Мосул.
2. Рассмотрение вопроса о курдском и ассирийском национально-освободительном движении в провинции Мосул и того, какими были последствия влияния на него турецкой и британской политики в регионе.
3. Формулировка вывода о роли этнорелигиозного фактора в политико-дипломатическом противостоянии Великобритании и Турции за Мосул.

Начиная со второй половины XIX в. район междуречья Тигра и Евфрата, который в Европе традиционно именовали Месопотамией, приобретает для ведущих европейских держав особое значение. Большой интерес к нему проявляла Великобритания, что было связано с целым рядом причин. Среди главных было то, что Месопотамия имела небольшой выход к Персидскому заливу, ведущий к Индийскому океану, в силу чего регион являлся ключевым звеном кратчайшего пути из Европы в Юго-Восточную Азию. Сближение основного соперника Великобритании на международной арене – Германии с Османской империей, позволило ей заполучить первенство в соперничестве за влияние в Месопотамии, что особенно проявлялось в реализации плана по строительству Багдадской железной дороги. Это вызывало серьёзное беспокойство в Лондоне, ибо угрожало жизненным интересам Великобритании [1, с. 75, 79–80; 2, с. 500-502].

В конце XIX в. в Северной Месопотамии (Южном Курдистане), вблизи города Мосул, были обнаружены крупные месторождения нефти. В начале XX в. за их разработку также стала разгораться борьба между Англо-Персидской нефтяной компанией, поддерживаемой британским Адмиралтейством и правительством и Анатолийским обществом железных дорог, контролируемым Германским Банком [1, с. 81–82; 3, с. 117, 119, 123–124; 4, с. 11–13]. В силу названных причин с самого начала Первой мировой войны Месопотамия стала театром ожесточённых боевых действий между британскими и османскими войсками. В течение ноября 1914 г. британцам удалось захватить портовые города Басру и Фао, однако дальнейшее продвижение британских войск на север, вглубь региона было долгим и проблематичным, сопровождавшимся немалыми потерями. Только лишь когда войскам союзников удалось добиться общего превосходства на других театрах боевых действий, а в Месопотамии была сосредоточена 160-тысячная армия, был взят Багдад. Однако к моменту заключения Мудросского перемирия, которое прекратило боевые действия между войсками союзников и Османской империи, британцы смогли продвинуться только до линии Тикрит-Рамади-Ханакин [1, с. 83; 5, с. 66–67]. Самый северный из трёх вилайетов, составлявших территорию Месопотамии – Мосул, в целом оккупирован не был.

Одним из условий Мудросского перемирия было право союзных войск оккупировать любые стратегически важные пункты за пределами демаркационной линии, установленной перемирием, в случае если бы «Создалось положение, которое угрожало бы безопасности союзников» [6, с. 4]. Именно ссылаясь на данное положение, британские войска оккупировали территорию Мосульского вилайета в ноябре 1918 г. [7, с. 117]. При этом османские войска были заранее выведены из провинции, так как стамбульское правительство опасалось возобновления боевых действий [1, с. 84; 8, с. 9]. Мосульский вилайет был населён преимущественно курдами, а не арабами, как Басрский и Багдадский вилайеты, также составлявшие территорию Месопотамии, и фактически представлял собой территорию южной части области расселения курдов.

Курды – самобытный этнос со своей культурой и языком, относящимся к иранской группе [9, с. 28]. Происхождение курдов по сей день остаётся спорным вопросом, однако большинство исследователей сходятся во мнении, что этот народ имеет древнее происхождение, на что указывает и ряд древних письменных источников. Само слово «курд» вошло в употребление с начала арабомусульманской экспансии в Сасанидскую державу в VII в. Так арабы называли племена, населявшие горные районы Загруса [10, с. 42–43]. Второй по численности этнической общностью Мосульского вилайета являлись арабы. Точную их численность в регионе определить довольно трудно в силу того, что сначала османские, а затем британские и иракские статистические данные существенно завышали их количество. То же самое относится и к туркменам (туркоманам) – народа тюркско-огузского происхождения, сформировавшемуся на территории Северной Месопотамии в результате нескольких волн эмиграции тюркских племён огузов из Центральной Азии, в частности в период сельджукского завоевания в XI в.

[10, с. 49–50]. Культурным и экономическим центром туркмен являлся город Киркук [10, с. 52].

Существенное изменение в этнорелигиозный состав населения региона внесла Первая мировая война, следствием которой стал наплыв в Мосульский вилайет ассирийцев. Ассирийцы (айсоры), самоназвание которых «атуран», народ, говоривший на новосирийском языке, относившемся к семитской группе, являлись далёкими потомками народа – творца древней Ассирийской империи и арамеев [11, с. 11-12]. Ассирийцы исповедовали христианство и принадлежали преимущественно к Восточным и Восточно-католическим церквям. Начиная ещё с VII в. до н. э., когда Ассирийская империя была уничтожена коалицией Вавилонского и Мидийского царств, ассирийцы были вынуждены жить в условиях господства других народов, так и не сумев воссоздать своё государство.

Точная численность ассирийцев в данный период неизвестна, различные авторы приводят цифры от 80 до 900 тыс. человек [11, с. 40-41; 12, с. 219]. До Первой мировой войны ассирийцы жили преимущественно в вилайетах Ван, Диярбакыр, Битлис и Карс, а также в персидской провинции Азербайджан (преимущественно в районе Урмии), в Месопотамии количество ассирийцев было значительно меньше, тем не менее они проживали здесь компактной общиной [11, с. 32; 12, с. 218].

Несмотря на то, что подавляющее большинство ассирийцев исповедовало христианство, в силу неблагоприятных исторических обстоятельств они оказались разделены по конфессиональному признаку. Большинство из них являлись приверженцами Ассирийской церкви Востока, вероучение которой основывалось на несторианстве, а во главе стоял патриарх Мар-Шимун (Святой Симон) [11, с. 20-21], который в то же время пытался брать на себя и роль светского предводителя всего ассирийского народа [12, с. 219-220]. 10 мая 1915 г. Мар-Шимун поднял ассирийское восстание против Османской империи, но османским войскам и курдским племенным ополченцам удалось нанести ассирийским повстанцам ряд поражений и вытеснить их на территорию Персии в район Урмии, где они соединились с русскими войсками. Из них были сформированы три батальона (два под командованием русских офицеров и один под командованием самого Мар-Шимуна), они находились в этом районе до весны 1917 г. В связи с событиями Февральской революции в России фронт стал распадаться, а русские войска – покидать Персию. После ухода русских войск персидское правительство потребовало от ассирийцев сдать оружие. Ассирийцы отказались подчиниться и тогда губернатор Тебриза решил использовать против них урмийских курдов. Он стал подстрекать авторитетного курдского предводителя Исмаила-ага Симко убить патриарха Мар-Шимуна, что и было сделано в марте 1918 г. Однако ассирийцы не утратили боевой дух и решительность бороться до конца против османского владычества. Некоторое время им удавалось самостоятельно удерживать фронт, однако, не получив обещанной помощи от британских союзников, они всё же оставили район Урмии и стали отходить на юг к Хамадану, где наконец-то соединились с британскими войсками. После окончания военных действий ассирийские лидеры поставили вопрос о возвращении в родные места, однако британское командование, ссылаясь на неблагоприятные политические условия момента, предложило им временно поселиться на территории подконтрольной

британским войскам Месопотамии. В конце концов, они были размещены в лагере для беженцев под городом Баакуба. Когда же встал вопрос о статусе Мосульского вилайета, а ассирийским беженцам так и не удалось вернуться на родину, британские мандатные власти предложили им поселиться на территории спорной провинции и сформировать специальные батальоны для охраны пределов якобы их будущей автономии в регионе, обещанной британцами [11, с. 84–106; 12, с. 224–229].

Желая заручиться поддержкой местного населения и принимая во внимание его широкое недовольство жестоким османским игом, британские оккупационные власти не скупилась на заявления о благих намереньях. Командующий британскими войсками в регионе – генерал Стенли Мод, заявив: «Наши армии занимают ваши города и земли не как завоеватели и враги, а как освободители и ваши друзья... Такова воля не только моего короля и народа, но и великих наций» [13, с. 12]. Особенно важной задачей для себя британцы считали завоевание симпатий со стороны курдского населения края и в частности, племенной знати. Пользуясь благоприятной ситуацией и расположением британской оккупационной администрации, курдские племенные лидеры Хамавенда и Сулеймании обратились к британцам с предложением создать курдское временное правительство во главе с шейхом Махмудом Барзанджи. В ноябре 1918 г. стоявший во главе британской оккупационной администрации в Сулеймании политический офицер, майор Ноэль провозгласил шейха Махмуда Барзанджи хукумдаром (правителем) Сулейманского района [13, с. 12, 13-14; 14, с. 75-76]. Это был первый шаг по укреплению британского влияния в регионе, основанного на принципе «разделяй и властвуй». Он заключался в том, что создание нескольких курдских автономных районов должно было усилить борьбу за власть между представителями знати различных племён и тем самым способствовать подрыву национально-освободительного движения в Курдистане [13, с. 15].

Тем не менее такая политика быстро возымела противоположный эффект для британских оккупационных властей и привела к ряду курдских антибританских восстаний в 1919 г., самым крупным из которых и стало восстание под руководством шейха Махмуда Барзанджи в Сулеймании [12, с. 192–193; 14, с. 76]. Восстание было подавлено, лишь когда британцы обрушили на мятежников всю свою военную мощь, включая тяжёлую артиллерию и авиацию [12, с. 194].

В это же время курдский вопрос вместе с вопросом о судьбе других нетурецких территорий Османской империи встал на повестке дня Парижской мирной конференции. Там было однозначно решено, что Курдистан должен быть отделён от Османской империи и взят под опеку великих держав в рамках системы мандатов Лиги Наций, создание которой обсуждалось на конференции. Но принятие какого-либо окончательного решения по этому вопросу было решено вынести за рамки работы конференции, также как не было определено на ней чёткое понятие того, что такое Курдистан, каковы его пределы и какая держава возьмёт его под свою опеку [15, с. 132-133]. Во многом данная неопределённость была вызвана и противоречиями, возникшими между Великобританией и Францией в связи с нежеланием первой выполнять условия тайного договора, заключённого ещё 9-16 мая 1916 г. о разделе нетурецких территорий Османской империи, согласно проекту,

подготовленному дипломатами Марком Сайксом и Француа Жоржем-Пико. По условиям данного соглашения, большая часть Мосульского вилайета, включая сам город Мосул, должна была войти во французскую зону политико-экономического влияния [1, с. 84; 8, с. 298; 16]. В конце концов, после длительной дискуссии на межправительственном уровне вопрос о Мосульском вилайете был решён в рамках работы конференции держав-победительниц, проходившей в итальянском городе Сан-Ремо с 19 по 26 апреля 1920 г. [8, с. 299]. Было заключено соглашение, по которому Франция уступала Мосульский вилайет в обмен на секвестрованную долю в т. н. «Турецкой нефтяной компании» — будущем разработчике мосульских нефтяных месторождений, составляющую 25%. На основе данного соглашения участниками конференции было принято решение о передаче Мосульского вилайета под британское управление в рамках мандата Лиги Наций на Месопотамию, что будет закреплено и в Севрском мирном договоре [8, с. 289, 299; 17, с. 203]. Однако вскоре завоевания британского оружия и дипломатии оказались под угрозой. Это было связано с тем, что подписавшее Севрский мирный договор султанское (Стамбульское) правительство стало стремительно терять доверие народа и власть в Турции, чем всё больше овладевало начавшее свою работу 23 апреля 1920 г. Великое Национальное Собрание Турции (ВНСТ), созданное в Анкаре усилиями генерала Мустафы Кемалю. Сам он встал во главе учреждённого ВНСТ правительства, которое 7 июня 1920 г. объявило недействительными все прежние договоры Османской империи, в том числе отвергло и Севрский мир. Под руководством правительства ВНСТ была создана новая турецкая армия, задачей которой было освобождение турецких территорий от всех захватчиков. В течение 1920-1921 гг. армия ВНСТ одержала ряд побед сначала над войсками дашнакской Республики Армении, а затем и греческой армией, при этом кемалистам удалось овладеть всеми территориями Восточной Анатолии, в том числе и Северного Курдистана.

На прошедших в Лондоне 21 февраля — 14 марта 1921 г. переговорах Антанты и ВНСТ представителями Анкары был озвучен тезис о том, что «курды не желают ничего больше, как жить с турками, как с братьями» в составе единого государства [15, с. 244, 246, 248-249].

В конечном итоге Франция нанесла неожиданный и сокрушительный удар по дипломатической коалиции держав-победительниц, подписав 20 октября 1921 г. сепаратный мирный договор с Турцией, согласно которому Франция и Турция выходили из состояния войны, первая признавала правительство Анкары, а также устанавливалась турецко-сирийская граница, разделявшая территории расселения курдов на западе. Этот договор давал Турции весомое преимущество в предстоящем отныне дипломатическом споре с Великобританией. Решающие же победы турецкой армии над греками в августе - сентябре 1922 г. и вовсе не оставили шансов Севрской системе на существование [15, с. 251, 255]. Выработка положений нового мирного договора стала целью начавшей свою работу 20 ноября 1922 г. конференции в швейцарском городе Лозанна.

На этой конференции вопрос непосредственно о каком-либо самоопределении курдов уже не ставился, однако он стал неотъемлемой частью вопроса о принадлежности территории Мосульского вилайета, который Великобритания

решительно была настроена сохранить за образованным в 1921 г. государством Ирак, временно находящимся под её мандатным управлением [18; 19]. В этом её была готова активно поддержать Франция, желавшая сохранить в силе договорённости в Сан-Ремо. При этом Лондон стал делать активную ставку не столько на «опасения» за соблюдения прав курдов в Турции, сколько на идею единства и свободы арабского народа Месопотамии в составе государства Ирак, а также на национальное самоопределение ассирийцев.

В Лондоне было решено занять принципиальную позицию в этом вопросе, идя лишь на незначительные уступки касательно линии границы. Впоследствии между британской и турецкой стороной развернулась ожесточённая полемика. Глава турецкой делегации Исмет-паша постоянно настаивал на том, что курды вилайета желают воссоединения с Турцией и что необходим плебисцит, который бы окончательно внёс ясность в этот вопрос. Возглавлявший британскую делегацию Лорд Керзон же в свою очередь отвергал идею о плебисците, заявляя, что Анкара не вправе требовать плебисцита за местное население, ибо оно само его не требовало. При этом ещё раз подчёркивая, что Великобритания как государство-мандатарий обещала арабам никогда не возвращать их под власть турок. Исмет-паша же на это возражал, что Ирак всё ещё формально является частью Османской империи, так, как мирный договор ещё не подписан и Турция не признаёт систему мандатов Лиги Наций, к тому же в самом Ираке мандатное управление было установлено без согласия населения страны.

В конечном итоге вопрос о принадлежности Мосульского вилайета так и не был решён в рамках Лозаннской конференции, которая закончила свою работу 24 июля 1923 г. [12, с. 155-156; 20, с. 135-136]. Для решения данной проблемы в британо-турецком двустороннем формате был отведён девятимесячный срок.

С 19 мая по 9 июня 1924 г. в Стамбуле прошла конференция, посвящённая Мосульскому вопросу, но она также не принесла результатов, стороны остались на своих позициях и, в конце концов, вопрос был передан в Лигу Наций [12, с. 158].

В то время пока разворачивались баталии на дипломатическом фронте, турки решили открыть и второй, недипломатический фронт в борьбе за нефтеносную провинцию. Зная о сложностях во взаимоотношениях между курдским населением края и британской администрацией, турки развернули среди курдов активную антибританскую пропаганду, пытаясь убедить их в том, что воссоединение с Турцией максимально соответствует их интересам.

Летом 1922 г. в Ревандузе (север Мосульского вилайета) появился турецкий офицер Али Шафик-бек, больше известный как Ёз Демир, который объявил себя руководителем «национального восстания» и заявил, что его целью является освобождение Мосульского вилайета от британцев. Затем он с небольшими силами занял Ранию и Хой начал активно призывать курдов края примкнуть к нему [10, с. 174-175; 13, с. 29]. На призывы Ёз Демира откликнулись шейх джаббарских курдов Сеид Махмуд и соратник шейха Махмуда Барзанджи Керим Фатих-бек, возглавлявший племя Хамавенд. Поднятое ими восстание начало быстро распространяться по региону и в конечном итоге привело к эвакуации британских гарнизонов из Сулеймании и Амадии [10, с. 174-175].

Пытаясь найти выход из сложившейся ситуации, британский верховный комиссар в Ираке Перси Кокс, решил реализовать план по созданию курдской «автономии» с центром в Сулеймании и вернуть из ссылки шейха Махмуда Барзанджи, дабы заключить с ним мировое соглашение и предложить ему возглавить «автономию». Шейх Махмуд был возвращён из Индии и после переговоров в Багдаде, в октябре 1922 г., сопровождаемый британским политическим офицером Ноэлем, прибыл в Сулейманию.

Приезд шейха Махмуда был воспринят жителями Сулеймании с большим воодушевлением, многие курдские племенные лидеры, через своих представителей сразу же изъявили желание «войти в состав курдского государства». Шейх Махмуд вновь был провозглашён хукумдаром Сулеймании, собственно территорией казы (округа) Сулеймания временно и была ограничена курдская автономия. Из представителей племенной знати было образовано правительство Южного Курдистана во главе с братом шейха Махмуда Кадыром. Это правительство объявило курдский язык официальным, были выпущены свои денежные знаки, почтовые марки, проведены другие мероприятия, в том числе начался выпуск официальных правительственных газет «Банги Курдистан» (Зов Курдистана), «Умеди истикляль» (Надежда независимости) и «Рожи Курдистан» (Солнце Курдистана).

Провозглашение курдской автономии совпало с подписанием британо-иракского договора в октябре 1922 г., условия которого ставили Ирак в экономически и политически зависимое положение от Великобритании, что вызвало широкое недовольство в стране. Этот договор вызвал недовольство и в Сулеймании, ибо он, по мнению сторонников шейха Махмуда, не давал никаких гарантий сохранения автономного статуса Южного Курдистана. Статья о «свободе совести и равноправии национальностей» не удовлетворяла сулейманских автономистов. В конце 1922 г. сулейманское правительство направило своих представителей в Багдад для переговоров относительно расширения полномочий властей автономии, однако британо-иракская сторона сочла выдвинутые требования чрезмерными и переговоры зашли в тупик. Таков же был итог и следующего раунда переговоров. Однако шейх Махмуд не питал иллюзий относительно британских обещаний с самого начала и потому параллельно вступил в переговоры с Ёз Демиром [13, с. 34-36]. В январе 1923 г. между ними была достигнута договорённость о совместной борьбе против британских оккупантов [10, с. 176].

Узнав о сговоре шейха Махмуда с турками, британо-иракские власти поспешили избавиться от мятежного хукумдара, 24 февраля по багдадскому радио было передано правительственное заявление, в котором Махмуд Барзанджи был обвинён в нарушении договорённостей с британо-иракскими властями, и в ультимативной форме прозвучало требование немедленной явки шейха и его соратников в Багдад для сложения с себя полномочий. Но укумдар Сулеймании отверг этот ультиматум, чем фактически распалил огонь нового восстания, и британо-иракским властям ничего не оставалось, как силовыми мерами восстановить контроль над Сулейманией и другими неподконтрольными территориями Мосульского вилайета [10, с. 178].

В начале марта британские ВВС начали бомбардировку Сулеймании и её окрестностей. Махмуд Барзанджи объявил священную войну против британских империалистов и покинул Сулейманию для перехода к партизанской войне. Однако попытки шейха Махмуда поднять и возглавить общекурдское восстание провалились, так как другие авторитетные племенные лидеры видели в нём серьёзного конкурента в борьбе за власть и выступили на стороне британцев против повстанцев и их турецких союзников. В конце марта – начале апреля 1923 г. британо-иракские войска и лояльные им курдские племенные формирования начали широкое наступление на очаги восстания и овладели практически всеми неподконтрольными территориями. В целом противостояние длилось до конца 1925г. и окончилось поражением повстанцев [13, с. 37, 38, 43]. Сам шейх Махмуд, спустив свой отряд, бежал в Иран [10, с. 181].

В подавлении восстаний, спровоцированных Ёз Демиром и Махмудом Барзанджи, значительная роль принадлежала ассирийским подразделениям, сформированным в 1918 г. в лагере ассирийских беженцев под Баакубой. Их штаб-квартира находилась в Мосуле. Ассирийский первый полк, четыре батальона и пулемётный взвод постоянно использовались в военных операциях против восставших курдов. [11, с. 116]. Как уже отмечалось выше, ассирийцы вступали в создаваемые британским командованием вооружённые формирования, питая надежду на помощь Лондона в обретении ими родины, будь – то возвращение в места прежнего проживания, будь - то поселение на территории Ирака, в том числе с возможностью создания тут ассирийской автономии. Однако ни на одну из конференций, где обсуждалась судьба бывших территорий Османской империи и проживавших на них народов, ассирийские делегаты допущены не были, так как Лондон не видел в этом необходимости и заявлял о том, что берёт на себя защиту ассирийских интересов. Это приводило к тому, что ассирийцам не оставалось ничего, как полагаться лишь на веру в честное слово Великобритании и активно сотрудничать с британской мандатной администрацией и командованием.

Вместе с тем расквартировка ассирийских частей в Мосуле, Киркуке, Эрбиле и др. населённых пунктах Мосульского вилайета вместе с расселением семей бойцов вызывало подозрение мусульманского населения края, среди которого разползались слухи о том, что британские мандатные власти намерены заселить регион ассирийцами-христианами. А участие ассирийских частей в подавлении курдских восстаний и вовсе обострило отношения между ассирийскими христианами и мусульманами. Так 4 мая 1924 г. произошёл кровавый инцидент в Киркуке, конфликт возник на базаре между местными торговцами-арабами и бойцами ассирийского батальона, а затем перекинулся на улицы города. Британское командование было вынуждено ввести в город бронированные части, и только тогда столкновения прекратились [11, с. 121-122].

Возникшая неприязнь между этими этноконфессиональными общинами будет сохраняться долгое время и ещё сыграет свою роль в Мосульском конфликте, а также станет одной из причин ассирийских погромов в 1933 г. устроенных иракскими властями и их курдскими пособниками.

6 августа 1924 г. Мосульский вопрос был в одностороннем порядке передан Великобританией на рассмотрение Лиги наций. Совет Лиги наций принял решение о создании специальной комиссии, которая должна была изучить ситуацию в районе ирако-турецкого размежевания [10, с. 180], а также с согласия сторон определил временную демаркационную линию, которая должна была соблюдаться до вынесения окончательного решения [10, с. 180-181; 12, с. 158-159]. Специальная комиссия посетила Лондон и Анкару, а затем в середине января 1925 г. приехала в Багдад. Её сопровождали британо-иракские и турецкие эксперты. 11 февраля она прибыла в Мосул [12, с. 159].

Комиссия работала над поставленной ей задачей почти год. Был изучен этноконфессиональный состав населения, его лингвистические особенности, изучена социально-экономическая ситуация в регионе и проведён опрос относительно включения провинции в состав Турции или Ирака. В начале сентября 1925 г. комиссия представила свой отчёт Совету Лиги наций. В отчёте было отмечено, что обе спорящие стороны ранее представляли необъективные статистические данные об этноконфессиональном составе населения вилайета, его лингвистических особенностях и численности, а также были предоставлены неверные карты его расселения. Неверными были и данные об этногенезе и истории, проживавших в регионе народов. Это связано с произволом спорящих сторон в толковании этнических, расовых и лингвистических особенностей турок и туркмен, курдов и арабов и т. д. [10, с. 181]. В конечном итоге комиссия пришла к выводу о том, что наиболее приемлемым решением проблемы было бы создание на территории Мосульского вилайета независимого курдского государства, ввиду того, что курды составляли $\frac{5}{8}$, а с учётом езидов (представителей специфической религиозной общности) – $\frac{7}{10}$ от общей численности жителей провинции. Но этот вариант, по мнению авторов отчёта, был неосуществим вследствие политической незрелости и архаичности социальной организации курдского этноса. Учитывая же тот факт, что большинство населения провинции высказалось за включение в состав Ирака, а также принимая во внимание особенности социально-экономического характера, комиссия рекомендовала включить спорную территорию в состав Ирака. При этом была подчёркнута необходимость сохранения британского мандатного управления на срок до 25 лет и развития самоуправления в Мосульской провинции [10, с. 182-183].

Вынесение окончательного решения по Мосульскому вопросу с учётом рекомендаций комиссии должно было состояться на тридцать четвёртой сессии Совета Лиги наций, которая открыла работу в сентябре 1925г., однако турецкий представитель Рушди-бей заявил, что Совет не правомочен отдать Мосул Ираку на том условии, что мандат будет продлён на 25 лет, поскольку Турция не признала условий Севрского мира относительно мандатной системы. Совет Лиги наций, поставленный в затруднительное положение выступлением турецкого представителя, был вынужден обратиться за разъяснением к Постоянной палате международного правосудия в Гааге относительно правомочности принимаемого решения. Постоянная палата международного правосудия вынесла заключение, что решение Совета Лиги наций по Мосульскому вопросу является обязательным для обеих сторон, и оно должно предусматривать окончательное установление границы между Турцией и Ираком.

Также решение должно быть принято единогласно, а голос одной из заинтересованных сторон, идущий в разрез с мнением остальных, учитываться не должен [21].

Несмотря на протесты Турции, 16 декабря 1925 г. Совет Лиги наций постановил, что турецко-иракской границей должна стать т. н. «Брюссельская линия» – демаркационная линия, определённая на время урегулирования спора. При этом Совет настоял на непосредственном соглашении между Великобританией и Турцией по экономическим вопросам [12, с. 163].

Окончательно спор был урегулирован заключением британо-ирако-турецкого трёхстороннего договора в Анкаре 5 июня 1926 г., согласно которому Турция окончательно отказалась от притязаний на Мосульский вилайет, признав «Брюссельскую линию» границей с Ираком. В обмен на 10 % доходов Ирака от мосульской нефти в течение 20 лет.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что этнический и религиозный фактор в Мосульском споре играл решающую роль и был эффективным, но чудовищным образом использован спорящими сторонами в борьбе за территории, имевшие стратегически важное в экономическом плане значение.

Безусловно и то, что напряжённость в отношениях между различными этноконфессиональными общинами, возникшая в годы Мосульского спора, сыграла свою роль и в дальнейших событиях трагической истории Ирака.

Список литературы

1. Макаров Р. В. Створення королівства Ірак – наслідок часткової невдачі експансіоністських планів Великобританії (з досвіду практичного сходознавства зовнішньополітичного відомства України) / Руслан Владимирович Макаров // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Серия «Исторические науки». – Т. 24 (63), № 1: спецвыпуск «История Украины», 2011. – С. 72 – 89.
2. Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века / А. С. Ерусалимский. – М.: Издательство академии наук СССР, 1951. – 606 с.
3. Фурсенко А. А. Нефтяные войны (конец XIX – начало XX в.) / Александр Александрович Фурсенко. – Л.: «Наука», 1985. – 207 с.
4. О. Герасимов Иракская нефть / Олег Герасимов. – М.: «Наука», 1969. – 186 с.
5. Котлов Л. Н. Национально-освободительное восстание 1920 года в Ираке / Лев Николаевич Котлов. – М.: Издательство академии наук СССР, 1958. – 208 с.
6. Корсун Н. Г. Греко-турецкая война 1919–1922 гг. / Николай Георгиевич Корсун. – М.: Воениздат НКО СССР, 1940. – 56 с.
7. Поцхверия Б. М. Турция между двумя Мировыми войнами: очерки внешней политики / Поцхверия Борис Михайлович. – М.: «Наука», 1992. – 253 с.
8. Турция: рождение национального государства. 1918 – 1923: по документам РГАСПИ / Федер. архив. Служба России, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, Ин-т стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова, Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН: [сост. Н. Б. Шувалова]. – М.: Гуманитарий, 2007. – 352 с.
9. Данциг Б. М. Ирак: Краткий географический очерк / Борис Моисеевич Данциг. – М.: Государственное издательство географической литературы, 1955. – 134 с.
10. Тихонова Е. В. Этноконфессиональные общины Ирака в годы британского мандата / Елена Викторовна Тихонова. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 240 с.

11. Матвеев К. П. Ассирийцы и ассирийская проблема в новое и новейшее время / Константин Петрович Матвеев. – М.: «Наука», 1979. – 203 с.
12. Ментешашвили А. М. Ирак в годы английского мандата / Альберт Михайлович Ментешашвили. – М.: «Наука», 1969. – 289 с.
13. Мгои Ш. Х. Курдский национальный вопрос в Ираке в новейшее время / Шахро Худоевич Мгои. – М.: «Наука», 1991. – 324 с.
14. Duru O. Irak kürt muhalafet hareketinde uluslararası boyut: 1918 – 1975 arası dönemin analizi / Oğün Duru // Alternatif Politika, Özel Sayı 1, Kasım 2010. – S. 74 – 112.
15. Лазарев М. С. Империализм и курдский вопрос (1917 – 1923) / Михаил Семёнович Лазарев. – М.: «Наука», 1989. – 325 с.
16. Arrangement of May 1916, commonly known as the Sykes-Picot Agreement. / The national archives. – Catalogue Reference: CAB/24/89. – Image Reference: 0060 [the electronic resource]. – URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk/documentsonline/CAB/24/89/0/0060>
17. Степанова Н. В. Межконфессиональный и межэтнический конфликт в Ираке / Надежда Васильевна Степанова // Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Аспект Пресс, 2008. – С. 126 – 256.
18. THE QUESTION OF MOSUL. Memorandum by the Secretary of State for the Colonies. Colonial Office, November 11, 1922. / The national archives. – Catalogue Reference: CAB/24/140. – Image Reference: 0003 [the electronic resource]. – URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk/documentsonline/CAB/24/140/0/0003>
19. CABINET. IRAQ AND THE MOSUL QUESTION. Memorandum by the Secretary of State for the Colonies. Colonial Office, November 10, 1925. / The national archives. – Catalogue Reference: CAB/24/175. – Image Reference: 0072 [the electronic resource]. – access mode: <http://www.nationalarchives.gov.uk/documentsonline/CAB/24/175/0/0072>
20. Sarıkoyuncu Değerli E. Lozan Barış konferansı'nda Musul / Esra Sarıkoyuncu Değerli // Balıkesir Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi Cilt 10 Sayı 18 Aralık 2007. – S. 127 – 140.
21. Article 3, Paragraph 2, of the Treaty of Lausanne (Frontier between Turkey and Iraq) [электронный ресурс]. – URL: http://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1925.11.21_lausanne.htm

Makarov R.V. Ethnic and religious factors in Mosul territorial dispute (1918 - 1926 gg.): Lesson from the past to respond to today's challenges // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 4. – P. 123-136.

In article the question of territorial dispute between Great Britain and Iraq on the one hand and Turkey with another for the territory of the former province of the Ottoman Empire — the Mosul vilayet in the 20th of the 20th century is considered. Dispute lasted from 1918 to 1926, and has arisen as a result according to official London, the province had to be a part of the Iraq kingdom directed by the British protege emir Feysal al-Hashemi which till 1932 was under the British mandatory management. However the Republic of Turkey which has succeeded the failed Ottoman Empire didn't recognize conditions of the Sevres peace treaty assigning the Mosul vilayet to the British mandate Mesopotamia (Iraq) and has demanded transfer of his territory under the jurisdiction. It has led to the fact that the Mosul question became a subject of the hardened debate between Great Britain and Turkey at Lausanne conference (1922 - 1923) then for several years the Mosul question was considered at sessions of Council of League of the nations, and has been submitted also for consideration of Constant chamber of the international justice in the Hague later. In the same time of the party have provoked to territories of the province and a number of armed conflicts. The ethnic and religious structure of the population of the region and its right for self-

determination and free, progressive development, in particular to the Kurdish and Assyrian factor was one of the main factors to which parties of the conflict constantly appealed.

Key words: Mosul vilayet, Great Britain, Turkey, Iraq, Kurds, Assyrians, territorial dispute

References

1. Makarov R. V. Creation of the Kingdom Iraq – result of partial failure of expansionist plans of Great Britain (from experience of practical oriental studies to Foreign Ministry of Ukraine) / Ruslan Vladimirovich Makarov // Scientific notes of Taurian national university of V. I. Vernadsky the Historical Sciences Series. – V. 24 (63), No. 1: special issue "History of Ukraine", 2011. – Page 72 – 89.
2. Erusalimsky A. S. Foreign policy and diplomacy of the German imperialism at the end of the 19th century / A. S. Erusalimsky. – M.: Publishing house of academy of Sciences of the USSR, 1951. – 606 p.
3. Fursenko A. A. Oil wars (the end of 19th – the beginning of the 20th century) / Alexander Aleksandrovich Fursenko. – L.: "Science", 1985. – 207 p.
4. O. Gerasimov Iraq oil / Oleg Gerasimov. – M.: "Science", 1969. – 186 pages.
5. Kotlov L. N. National liberation revolt of 1920 in Iraq / Lev Nikolaevich Kotlov. – M.: Publishing house of academy of Sciences of the USSR, 1958. – 208 p.
6. Korsun N. G. Greek-Turkish war of 1919-1922 / Nikolay Georgiyevich Korsun. – M.: Voenizdat of NPO of the USSR, 1940. – 56 p.
7. Potskhveriya B. M. Turkey between two World wars: sketches of foreign policy / Potskhveriya Boris Mikhaylovich. – M.: "Science", 1992. – 253 p.
8. Turkey: birth of the national state. 1918 – 1923: according to documents RGASPI / Feder. archive. Service of Russia, I Grew. state. archive cou. - it is watered. stories, Ying t of the countries of Asia and Africa at Lomonosov Moscow State University, Ying t hayч. information on societies. to sciences of the Russian Academy of Sciences: [ed. N. B. Shuvalova]. – M.: Humanist, 2007. – 352 p.
9. B. M. Danzig Iraq: Short geographical sketch / Boris Moiseevich Danzig. – M.: State publishing house of geographical literature, 1955. – 134 p.
10. Tikhonova E. V. Ethnoconfessional communities of Iraq in days of the British mandate / Elena Viktorovna Tikhonova. – M.: LKI publishing house, 2007. – 240 p.
11. Matveev K. P. Assyrians and the Assyrian problem during modern and latest times / Konstantin Petrovich Matveev. – M.: "Science", 1979. – 203 p.
12. Menteshashvili A. M. Iraq in days of the English mandate / Albert Mikhaylovich Menteshashvili. – M.: "Science", 1969. – 289 p.
13. Mgoi Sh. H. Kurdish ethnic question in Iraq in the latest time / Shakro Hudoyevich Mgoi. – M.: "Science", 1991. – 324 p.
14. Ogun Duru Iraqi Kurdish opposition within the movement on an international scale: 1918 - 1975 period from the analysis / Ogun Duru // Alternative Policy, Special Issue 1, November 2010. — P. 74 — 112.
15. Lazarev M. S. Imperialism and Kurdish question (1917 - 1923) / Mikhail Semyonovich Lazarev. – M.: "Science", 1989. – 325 p.
16. Arrangement of May 1916, commonly known as the Sykes-Picot Agreement. / The national archives. – Catalogue Reference: CAB/24/89. – Image Reference: 0060 [electronic resource]. – URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk/documentsonline/CAB/24/89/0/0060>
17. Stepanova N. V. The interfaith and interethnic conflict in Iraq / Nadegda Vasilyevna Stepanova // the Conflicts in the east: Ethnic and confessional / under the editorship of A. D. Voskresensky. – M.: Aspect Press, 2008. – Page 126 – 256.
18. THE QUESTION OF MOSUL. Memorandum by the Secretary of State for the Colonies. Colonial Office, November 11, 1922. / The national archives. – Catalogue Reference: CAB/24/140. – Image Reference: 0003 [the electronic resource]. – URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk/documentsonline/CAB/24/140/0/0003>
19. CABINET. IRAQ AND THE MOSUL QUESTION. Memorandum by the Secretary of State for the Colonies. Colonial Office, November 10, 1925. / The national archives. – Catalogue Reference: CAB/24/175. – Image Reference: 0072 [the electronic resource]. – access mode: <http://www.nationalarchives.gov.uk/documentsonline/CAB/24/175/0/0072>
20. Sarikoyunchu Degerli E. The Lausanne Peace conference Mosul / Esra Sarikoyunchu Degerli // Balikesir University, Institute of Social Science Journal. Volume 10, Issue 18, December 2007 — P. 127 — 140.

Этнический и религиозный факторы в Мосульском территориальном споре (1918 – 1926 гг.): урок прошлого для ответа на вызовы современности

21. Article 3, Paragraph 2, of the Treaty of Lausanne (Frontier between Turkey and Iraq) [An electronic resource]. – URL: http://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1925.11.21_lausanne.html